

МОГИЛЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяць: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодому—2 руб. 50 коп.

№ 25.

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ Могилевѣ губернскомъ.

1 сентября.

Годъ XIII.

1895 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Преподаііе Архипастырскаго благословенія.

17 августа Его Пресвященствомъ преподаііо Архипастырское благословеніе прихожанамъ Ровковичской церкви, Рогачевскаго уѣзда, за пожертвованіе ими 1000 руб. на ремонтъ своей приходской церкви и — крестьянкѣ села Ровковичъ Маріи *Кодратъевой* за пожертвованіе ею въ ту же церковь плащаницы, стоимостью въ 115 р.

Благодарность Епархіальнаго Начальства.

18 августа объявлена благодарность Епархіальнаго Начальства прихожанамъ Новосельской церкви, Рогачевскаго уѣзда, за пожертвованіе ими въ свою приходскую церковь разныхъ церковныхъ вещей на сумму 60 руб. и — женѣ бывшаго арендатора въ имѣніи „Новоселкахъ“ Александрѣ *Зарубо* за пожертвованіе ею въ ту же церковь подсвѣчника, стоимостью въ 10 руб.

Награжденіе церковныхъ старостъ похвальными листами.

Его Пресвященствомъ, за безпорочную и усердную службу, награждены похвальными листами старосты церквей: Косеничской,

Сѣнненскаго уѣзда, крестьянинъ Прохоръ *Зябко* (11 августа), Ровковичской, Рогачевского уѣзда, крестьянинъ Лука *Филлимоновъ* (13 августа) и Чечерской Вознесенской, того же уѣзда, крестьянинъ Леонтій *Артемьевъ* (18 августа).

Перемѣны по службѣ.

— Назначенный на священническое мѣсто къ Будинской церкви, Могилевского уѣзда, Евгеній *Шафрановскій* 20 августа рукоположенъ въ санъ священника.

— Монахъ Могилево-Братскаго монастыря *Платонъ* 20 августа рукоположенъ въ санъ іеродиакона.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Преподаніе Архиастргскаго благословенія.—Благодарность Епархіальнаго Начальства.—Награжденіе церковныхъ старостъ похвальными листами.—Перемѣны по службѣ.

Редакторъ *И. Пятницкій*.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 сентября.

№ 25.

1895 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

КЪ РѢШЕНІЮ ВОПРОСА О ПАПСКОЙ ТАКСАЦІИ ГРѢХОВЪ.

Въ „Душеполезномъ Чтеніи“ за нынѣшній годъ (№ 3) появилась статейка подъ заглавіемъ: „Такса „непогрѣшимаго“ папы за грѣхи“, въ которой прямо приводились и цѣны, за которыя въ Римской церкви отпускаются всевозможные грѣхи. Статейка эта послужила поводомъ къ возникновенію печатной горячей полемики. Перейдя на страницы свѣтскихъ газетъ и подвергался разнымъ комментаріямъ со стороны ихъ писателей, она дошла до свѣдѣнія Римско-католическаго епископа Сымона. Послѣдній въ „Новомъ Времени“ (№ 6844) помѣстилъ свое письмо съ опроверженіемъ упомянутой статьи, какъ недоразумѣнія, основаннаго на смѣшеніи подлиннаго папскаго документа съ сатирической пародіей на Римскую церковь со стороны французскихъ невѣровъ. Въ отвѣтъ на это письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 89) появились два письма, изъ которыхъ въ одномъ, за подписью NN, указывались изданія таксы съ соизволенія самихъ папъ, а во второмъ издатель „Русскаго Архива“ П. Бартенева увѣрялъ, что онъ, осматривая соборъ въ Амьенѣ въ 1881 году, самъ лично у входной двери на стѣнѣ видѣлъ большую таблицу въ три столбца: „въ одномъ столбцѣ перечислены грѣхи, въ другомъ означеніе молитвъ, въ третьемъ число франковъ. Тутъ же подъ таблицей стоятъ и кружка для опусканія монетъ“. Епископъ Сымонъ снова на страницахъ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 133) напечаталъ пространное письмо, въ которомъ опять рѣшительно опровергалъ и сообщеніе Бартенева и доводы NN, стараясь доказать, что все это основано на недоразумѣніи.

Такимъ образомъ вопросъ, что называется, „поставленъ ребромъ“. Противъ прямого обвиненія выставлено прямое отрицаніе. Такое явленіе среди читающей публики невольно можетъ произвести смущеніе, даже вызвать излишнія недоразумѣнія, — особенно въ нашемъ краѣ, гдѣ католическій элементъ довольно силенъ и гдѣ могутъ быть еще не забытыми старые счеты между православіемъ и католичествомъ. Поэтому считаемъ далеко не излишнимъ въ разъясненіе затронутаго вопроса представить нѣкоторыя историческія данныя, заимствуя ихъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, изъ статьи А. Павловича, подъ заглавіемъ: „Покаянные преискуранты въ Римской церкви“, помѣщенной въ книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за іюль—августъ настоящаго года.

По самому существу своему этотъ вопросъ весьма трудный. Было бы нелѣпо предполагать, чтобы Римская или какая бы то ни было другая церковь открыто выступала съ преискурантами на прощеніе грѣховъ, и этого она дѣйствительно, за исключеніемъ случаевъ крайняго злоупотребленія, никогда не дѣлала и не дѣлаетъ какъ церковь. Но иное дѣло идеаль, иное дѣло практическая дѣйствительность; и если мы взглянемъ на вопросъ съ этой послѣдней стороны, то окажется не мало такихъ фактовъ и документовъ, которые бросаютъ весьма подозрительную тѣнь на означенные обычаи Римской церкви. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ней имѣли мѣсто такъ называемые „покаянные таксы“, слѣды существованія которыхъ не заглядить никакими приемами полемики; но вопросъ въ томъ, какъ относилась къ этимъ таксамъ сама Римская церковь въ лицѣ своихъ папъ, — признавала ли ихъ, или отвергала. Вопросъ объ этихъ таксахъ естественно до крайности раздувался протестантскими полемистами, и они неоднократно переиздавали ихъ, подвергая конечно самымъ непріятнымъ для Римской церкви комментаріямъ. Эти комментаріи производили такое смущеніе среди вѣрующихъ римско-католиковъ, что Римскій индексъ счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ споръ и неоднократно подвергалъ непріятный документъ, содержащій „таксы“, запрещенію, хотя и не всегда такому рѣшительному, чтобы и послѣ этого не оставалось возможности для спора. Пользуясь авторитетомъ индексовъ, римско-католическіе писатели до послѣдняго времени старались бросать тѣнь сомнѣнія не только на подлинность, но и на самое существованіе

„покаянных таксъ“; но неотризимыя историческія свидѣтельства наконецъ сбили ихъ съ позиціи, и въ 1872 году римско-католическій писатель патеръ Гвинъ нашелъ себя вынужденнымъ признать существованіе таксъ за несомнѣнный историческій фактъ, хотя и старался придать этимъ таксамъ совершенно иной характеръ, доказывая, что суммы, взимавшіяся съ грѣшниковъ, взимались не за самые грѣхи, а за освобожденіе отъ внѣшнихъ церковныхъ наказаній за нихъ и составляли плату за дѣлопроизводство по этому предмету. Такой взглядъ совершенно понятенъ у римско-католическаго писателя, потому что въ самомъ дѣлѣ ни одинъ честный римско-католикъ не можетъ согласиться съ мыслию, чтобы папство въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ открыто объявляло о томъ, что за деньги оно раздаетъ прощеніе за самые гнусные грѣхи — и по самой иногда невысокой цѣнѣ, не согласуя притомъ тяжести грѣха съ взимаемой за его прощеніе платой. Вслѣдствіе этого самый вопросъ о покаянной практикѣ Римской церкви до послѣдняго времени оставался весьма темнымъ; и только новѣйшія историческія изслѣдованія пролили на него нѣкоторый свѣтъ. Къ чести римско-католическихъ писателей нужно сказать, что они и сами не мало содѣйствовали выясненію этого предмета, не смущаясь прямо смотрѣть въ лицо правдѣ, когда въ пользу ея свидѣлствуютъ неопровержимыя историческіе факты и документы ¹⁾. На основаніи этихъ изслѣдованій спорный предметъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Для надлежащаго уясненія разсматриваемаго предмета, нужно имѣть въ виду, что употребленіе денегъ въ дѣлѣ искупленія или заглаженія грѣховъ отнюдь не возбуждало въ средніе вѣка такого

¹⁾ Такъ, въ 1888 году ученый патеръ Denifle напечаталъ древнѣйшую, по его мнѣнію, таблицу покаянныхъ таксъ, изданную папой Бенедиктомъ XII въ 1338 г. (См. Archiv für Litteratur-und Kulturgeschichte des Mittelalters, B. IV, 201), а Тангль издалъ въ 1892 г. таксы канцеляріи авиньонскихъ папъ, иллюстрируя это изданіе тщательнымъ изслѣдованіемъ современныхъ документовъ какъ изданныхъ уже, такъ и не изданныхъ. См. Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Bd. XIII, 1. Канцелярія и Пенитенціарія (одна изъ римскихъ конгрегацій, вѣдающихъ дѣла католическаго міра, поступающія на рѣшеніе папы, и входящая въ составъ апостольской канцеляріи) такъ тѣсно связаны были между собой и ихъ функціи такъ часто совпадали между собой, что на основаніи приемовъ одной вполне можно восполнять недостающія свѣдѣнія о другой. См. Formulary of the Papal Penitentiary in the XIII century, Philadelphia 1892.

чувства брезгливости, какъ это было послѣ реформаціи. Сначала, конечно, дѣло прикрывалось разными болѣе или менѣе благовидными формами, но затѣмъ сдѣлалось столь обычнымъ явленіемъ, что только случайно раздавались протесты противъ него со стороны какихъ-нибудь особенно строгихъ моралистовъ или писателей. Самую удобную въ этомъ отношеніи и благовидную форму представляла милостыня. Ссылаясь на такіе тексты, какъ „Вода угасить пламень огня, и милостыня очистить грѣхи“ (Сирах. III, 30) и „Искупи грѣхи твои правдою и беззаконія твои милосердіемъ къ бѣднымъ“ (Дан. IV, 24), римское духовенство усердно внушало мысль о возможности заглаженія грѣховъ щедрой милостыней, которая для удобства переводилась на деньги, передававшіяся въ распоряженіе духовенства. Этого рода обычай распространился такъ быстро и именно въ смыслѣ злоупотребленія деньгами въ качествѣ искупленія за грѣхи, что уже Григорій Великій обличалъ современныхъ ему епископовъ въ томъ, что они живутъ на счетъ грѣховъ своихъ пастырь и кормятся грѣхами своего народа. Къ концу среднихъ вѣковъ съ особенною настойчивостью преподавалось ученіе, что изъ всѣхъ видовъ покаянія милостыня есть самое дѣйствительное изъ средствъ искупленія грѣховъ. Она именно обыкновенно предписывалась при исповѣди и еще и теперь наставленіе объ этомъ содержится въ Римскомъ Третьяцкѣ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы священникъ не удерживалъ у себя полученныхъ на покаянную милостыню денегъ. Въ обычной практикѣ милостыня получила характеръ платы или приношенія въ пользу церкви, которая, въ свою очередь, при этомъ имѣла въ виду „бѣдныхъ“ вообще, и насколько выгодно было ей это дѣло, можно видѣть изъ того, какъ быстро возрастали ея имѣнія, приносившіяся ей, какъ свидѣтельствуя дарственные грамоты, *pro remissione peccatorum*—за отпущеніе грѣховъ жертвователей. Даже такой великодушный папа какъ Александръ II, по случаю совершеннаго однимъ лицомъ невольнаго братоубійства, не поколебался въ качествѣ епитиміи на кающагося конфисковать все его имущество въ пользу „бѣдныхъ“, позволивъ ему пользоваться лишь процентами съ половины всего имущества пожизненно.

Въ добавокъ къ этому церковь, стараясь подчинить себѣ варварскіе народы, сама приспособлялась къ ихъ обычаямъ и поэтому

возникла практика, по которой позволялось всё канонически налагаемая епитимия переводить на деньги и искупать ими. Почти во всех покаянных книгах и в собраниях покаянных правил можно встрѣчать таблицы подобнаго перевода епитимии на деньги, причем опредѣляются тѣ суммы, которыя нужно платить вмѣсто напр. постовъ, положенныхъ на день, недѣлю, мѣсяць или годъ, и между таковой уплатой денегъ и другими дѣлами покаянія признавалось полнѣйшее равенство. Уже въ XI вѣкѣ эта система настолько установилась, что Петръ Даміани имѣлъ полное основаніе съ негодованіемъ жаловаться на то, что никто изъ мірянъ не хотѣлъ понести поста даже и въ теченіе трехъ дней въ недѣлѣ и что покаянныя правила надо совсѣмъ отмѣнить какъ вышедшія изъ употребленія, если останутся въ силѣ подобныя выкупы. Предсказаніе Даміани оправдалось, но восторжествовала именно система выкуповъ. Въ XIII вѣкѣ, со введеніемъ обязательной исповѣди какъ таинства, покаянныя правила совсѣмъ потеряли силу. Назначеніе епитимии все болѣе предоставлялось усмотрѣнію духовника, и принятіе ея сдѣлалось добровольнымъ для кающагося, за исключеніемъ быстро уменьшавшихся случаевъ публичнаго покаянія, между тѣмъ какъ система выкупа оставалась въ силѣ и не только оставалась въ силѣ, а, являясь факторомъ въ развитіи теоріи индульгенціи, получила еще болѣе важный шагъ въ своемъ практическомъ приложеніи. Конечно, и теперь духовенство учило, что для отпущенія грѣховъ необходимо предварительно совершить раскаяніе, но ученые схоластики настолько затемняли это ученіе своими опредѣленіями касательно достаточности покаяннаго сокрушенія, что въ обыденной жизни истинное покаяніе сдѣлалось почти одною формальностью.

Такимъ образомъ, хотя отпущенія грѣховъ и не продавались за деньги съ открытою беззастѣнчивостію и прямою положительностію, такъ какъ формально требовалось еще раскаяніе, но эти схоластическія тонкости были мало доступны разумнію обыденнаго ума и при недостаточности умственнаго и нравственнаго развитія въ народѣ довольно естественно могло установиться убѣжденіе, что отпущеніе грѣховъ можно покупать за деньги, и притомъ не только прощеніе въ смыслѣ освобожденія отъ внѣшняго церковнаго суда (*forum exsternum*), но и въ смыслѣ безусловнаго прощенія грѣха

(*forum conscientiae*)—на основаніи представленнаго церкви и ея представителямъ права ключей и распоряженія сокровищницей сверхдолжныхъ заслугъ Христа и Его апостоловъ, хотя для схоластически образованнаго богослова различіе оставалось достаточно яснымъ, такъ что напр. папа Іоаннъ XXII, желая подвергнуть своихъ пенитенціаріевъ дисциплинарному взысканію за отмѣну отлученій на Людовика баварскаго и его приверженцевъ, обвинялъ ихъ въ томъ, что они присвоили себѣ право распоряжаться ключами неба и ада и продавали грѣшникамъ отпущенія, а *roena et a culpa* за самыя тяжкіе грѣхи. Двадцатью пятью годами позже Климентъ VI, дѣлая приготовленія къ юбилею 1350 года, уволилъ нѣсколько пенитенціаріевъ, которые, подкупомъ достигнувъ своихъ должностей, именно дѣлали все возможное для того, чтобы выручить затраченный капиталъ съ надлежащими процентами чрезъ торговлю отпущеніемъ грѣховъ за деньги. Намъ нѣтъ даже надобности въ настоящей моментъ задаваться вопросомъ о томъ, чѣмъ собственно вызвано было негодованіе папы: самымъ ли фактомъ продажи прощеній, или тѣмъ, что выручаемая отъ этой продажи суммы поступали не въ папскую казну, а шли въ личную пользу пенитенціаріевъ; достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что такая купля-продажа могла процвѣтать только въ томъ случаѣ, если пенитенціаріи склоняли грѣшниковъ къ вѣрѣ въ то, что отпущеніе грѣховъ можно было купить за деньги. Самъ Климентъ содѣйствовалъ укрѣпленію этой вѣры, когда далъ архіепископу Бриндизійскому, своему нунцію въ Неаполѣ, Іоанну полномочіе предоставить тридцати лицамъ, не имѣвшимъ возможности на законномъ основаніи совершить паломничество въ Римъ, юбилейную индульгенцію подъ условіемъ уплаты суммы равно той, въ какую обошлось бы самое паломничество. Что въ такомъ именно родѣ велась дѣла въ римскихъ пенитенціаріяхъ и такъ смотрѣли на нихъ всѣ, это можно видѣть изъ протеста, который поданъ былъ нѣмецкимъ народомъ на Констанцкій соборъ въ 1418 году противъ избранія папы прежде, чѣмъ не будутъ произведены необходимыя преобразованія для устраненія злоупотребленій въ церкви. Въ этомъ протестѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ описывается продажа отпущеній грѣховъ въ пенитенціарныхъ учрежденіяхъ *подъ видомъ пошлинъ* за дѣлопроизводство, и это злоупотребленіе поносится какъ болѣе ужасное, чѣмъ обыкновенная симонія.

Пій II, до своего восшествія на папскій престолъ, не поколебался сдѣлать подобное же заявленіе, прямо сказавъ, что „въ римской куріи ничего не дѣлается безъ денегъ. Даже и самыя рукоположенія и дары Духа Святаго продаются. И продажа грѣховъ денежнымъ людямъ идетъ беспрепятственно“ ¹⁾. Когда съ выступленіемъ Лютера развязались языки у мірянъ, то Нюренбергское собраніе отъ 1523 года, составляя знаменитый списокъ жалобъ для представленія императору, жаловалось между прочимъ и на то, что духовныя эпитиміи переводятся на деньги и что дѣла, — предоставляемые на рѣшеніе папъ и епископовъ, служатъ лишь средствомъ вымогательства, потому что отпущенія никогда нельзя получить безъ уплаты денегъ. Подъ вліяніемъ очевидно этихъ открытыхъ жалобъ Пій III дѣлалъ попытку около 1536 г. поразсудить со своими совѣтниками касательно того, какія бы произвѣсть преобразованія въ дѣлопроизводствѣ куріи. Въ представленномъ ему докладѣ по этому поводу допускается, что таксы пенитенціарной канцеляріи составляютъ источникъ соблазна для многихъ благочестивыхъ душъ, но въ то же время доказывается, что деньги взимаются собственно не за отпущеніе, но въ удовлетвореніе за грѣхъ и идутъ на добрыя дѣла при каедрѣ его святѣйшества. Эта схоластическая тонкость, служившая добрую службу папской казнѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, не удовлетворила кардиналовъ, которые и составили въ 1538 году извѣстный *Consilium de emendanda Ecclesia*. Они смѣло заявили, что при наличномъ положеніи дѣла пенитенціарія была убѣжищемъ для негодяевъ, которые находили въ ней безнаказанность за деньги — къ явному соблазну для христіанскаго міра, и что церковь позволяла себѣ допускать столь чудовищныя злоупотребленія, отъ которыхъ разрушилось бы всякое чисто человѣческое общество. Этихъ документальныхъ данныхъ (которыхъ можно бы и еще привести сколько угодно) достаточно для доказательства того положенія, что въ рассматриваемое время во всѣхъ странахъ, находившихся подъ духовнымъ главенствомъ Рима, господствовало всеобщее убѣжденіе, что въ Римѣ можно было за деньги получить полное прощеніе грѣ-

¹⁾ Впоследствии, сдѣлавшись членомъ куріи, онъ старался оправдать эту постыдную практику, хотя весьма сомнительными доводами — въ родѣ того, что всѣ-де падки на деньги, и гдѣ больше стеченіе народа, тамъ и корыстолюбіе сильнѣе. Римъ-де въ этомъ отношеніи не хуже дворовъ и судовъ германскихъ прелатовъ.

ховъ. Остается примирить это положеніе съ ничтожными повидимому и несообразными цѣнами, которыя предписываются въ таксовой таблицѣ Бенедикта XII.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что пенитенціарія имѣла два источника доходовъ: одинъ, исключительно свойственный ей, состоялъ въ платѣ за отпущеніе грѣховъ, а другой—общій у нея съ канцеляріей—состоялъ во взиманіи пошлины за дѣлопроизводство съ тѣхъ, кто обращались къ нимъ съ просьбой о полученіи тѣхъ или другихъ милостей.

Первый источникъ основывался на системѣ денежныхъ епитимій. При авиньонскихъ папахъ пенитенціарія состояла изъ кардинала Major poenitentiaris (главнаго пенитенціарія) со штатомъ ассистентовъ и писцовъ; въ связи съ этою покаянною коллегіей были еще два младшихъ пенитенціарія или духовника съ специальными полномочіями, состоявшіе при храмѣ св. Петра, къ которымъ Климентъ VI по своемъ восшествіи на престолъ въ 1342 году прибавилъ еще третьяго, состоявшаго при Латеранской церкви св. Іоанна. Когда курія находилась внѣ Рима, то подобное же учрежденіе устанавливалось при главной церкви ея резиденціи. У этихъ младшихъ пенитенціаріевъ кающійся человекъ, желавшій получить отпущеніе грѣховъ, совершалъ исповѣдь, принималъ епитимію и получалъ отъ нихъ отпустительную грамоту. Имъ запрещено было просить или принимать что-либо за исполненіе своихъ обязанностей, но отъ нихъ очевидно ожидалось, что они будутъ налагать на кающихся денежные епитиміи въ пользу папской камеры, такъ какъ въ Бенедиктовой буллѣ отъ 1338 года есть особая статья, которою запрещается имъ обращать покайнные деньги въ свою пользу, въ пользу своего ордена или какого-нибудь частнаго лица, и это считалось столь важнымъ, что съ нихъ взималась присяга въ этомъ отношеніи при самомъ вступленіи ихъ въ должность. Очевидно, деньги допускалось получать только для кого-то особо, и хотя этотъ получатель не обозначенъ прямо, однако изъ всего видно, что это не кто иной, какъ папа римскій. Такъ какъ епитиміи налагались по усмотрѣнію пенитенціаріевъ, то можно предполагать, что денежные суммы назначались пропорціонально со степенью грѣха и состоятельностью кающагося, и далѣе уплата ихъ обезпечивалась требованіемъ опускать назначенную сумму въ особую, устроенную для этой цѣли,

кружку въ церкви: указаніе на подобное установленіе мы имѣемъ въ приготовленіяхъ къ юбилею 1500 года. По этому случаю Александръ VI назначилъ къ храму св. Петра одиннадцать специальныхъ пенитенціаріевъ съ предоставленіемъ имъ полномочія давать отпущеніе во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ четырехъ; чтобы направить паломниковъ къ этимъ именно пенитенціаріямъ, папа отмѣнилъ полномочія всѣхъ другихъ духовниковъ въ Римѣ, и новоназначенные пенитенціаріи конечно усердствовали въ увѣщаніяхъ къ пилигримамъ—удовлетворять Бога покаяніемъ и „подаваніемъ“. Размѣръ подааній очевидно предоставлялся опредѣленію пенитенціаріевъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но когда дѣло касалось избавленія умершихъ отъ чистилища, то предписывалась опредѣленная сумма, и такъ какъ при вопросѣ о душахъ въ чистилищѣ не требовалось участія пенитенціаріевъ, то паломникамъ внушалось, чтобы они требуемая суммы опускали въ устроенную для этой цѣли кружку въ церкви. Изъ всего этого можно съ основаніемъ заключать, что отпущеніе грѣховъ со стороны папскоіи пенитенціаріи давало и такіе доходы, о которыхъ не говорится въ таблицахъ такъ и которые доселѣ не принимались во вниманіе въ полемикѣ о нихъ.

Это открытіе между тѣмъ даетъ возможность объяснить излагаемая въ таксахъ цифры, которыя дотолѣ казались столь таинственными. Въ нѣсколько грубой и старинной формѣ, составленной Бенедиктомъ XII въ 1338 г., заключается двѣсти сорокъ четыре отдѣльныхъ пунктовъ, изъ которыхъ гораздо большая часть составляетъ отпущеніе за проступки и упущенія. Личные грѣхи, которые собственно и служили главнымъ предметомъ обсужденія въ полемикѣ, по большей части соединяются вмѣстѣ и порѣшаются съ такою краткостью, которая показываетъ, что кающіеся уже уладили дѣло съ пенитенціаріями и что гнусность ихъ грѣховности не имѣетъ никакого отношенія къ цѣнѣ отпустительныхъ грамотъ. Кромѣ того, когда каущійся былъ безусловно бѣденъ, Бенедиктъ постановилъ, чтобы грамоты выдавались даромъ и что такія дѣла должны имѣть право на первенство при рѣшеніи, ибо лучше служить Богу за бѣдныхъ, чѣмъ за людей богатыхъ изъ-за выгоды. Такъ всего въ нѣсколькихъ пунктахъ оптомъ отпускается большая часть грѣховъ, прощенія которыхъ обыкновенно добивались паломники:

четыре строки была возведена имъ въ постоянное правило, и чтобы предотвратить возможность обмана со стороны писцовъ, папа точно обозначилъ, что каждая строка должна содержать въ себѣ двадцать пять словъ или 150 буквъ. Вскорѣ однако писцы добились повышения платы. Въ концѣ Иоаннозой таблицы такъ по канцеляріи высказывается общее правило, что за грамоты, не обозначенныя въ таблицѣ, пошлина должна взиматься по одному грошу за каждыя три строки—до тридцати строкъ; свыше этого предѣла, въ виду увеличенія риска и опасности потери труда и времени въ случаѣ допущенія ошибокъ, требующихъ вновь переписывать грамоту, пошлина полагалась по грошу за каждыя двѣ строки, причемъ каждая строка всетаки полагается въ 25 словъ. Въ самой таксовой таблицѣ, которая очевидно подвергалась значительнымъ видоизмѣненіямъ, есть предписаніе, что за всѣ двѣ грамоты, точно не поименованныя, пошлина взимается въ размѣрѣ одного гроша за двѣ строки при количествѣ не свыше 30 строкъ, а свыше этого количества по грошу за каждую строку. И однако даже это правило не соблюдается въ тѣхъ пунктахъ таксы, гдѣ случайно обозначается и количество строкъ. Такъ одна грамота на позволеніе аббату помѣняться извѣстными доходами съ королемъ по описанію состояла изъ 16 строкъ, а между тѣмъ пошлина на нее наложена въ размѣрѣ 24 грошей, и документъ на изытіе бенефиціи отъ права полученія ихъ просительствомъ опредѣляется въ 15 строкъ, а пошлина за него въ 20 грошей. Теперь разсмотримъ, въ какомъ призрачномъ соотношеніи эти цѣны находятся съ дѣйствительною стоимостью грамотъ, при чемъ необходимо сказать, что въ 1418 г. Мартинъ V возстановилъ цѣны, бывшія въ ходу при Иоаннѣ XXII, Бенедиктѣ XII и Григоріѣ XI, а въ 1445 г. Евгеній, подвергнувъ таблицу такъ пересмотру, постановилъ, чтобы существовавшія при Иоаннѣ таксы оставались въ силѣ—лишь съ нѣкоторыми измѣненіями и прибавками. Такимъ образомъ можно полагать, что въ теченіе XV вѣка постановленія Иоанна служили въ этомъ отношеніи официальной нормой по крайней мѣрѣ номинально.

Остановливаясь на этой таксаціи, опредѣлявшей пошлину въ одинъ грошъ за сто словъ или четыре строки, не безъинтересно теперь сравнить съ этой нормой цѣны, содержащіяся въ „Пенитенціарныхъ таксахъ“ Бенедикта. Среди нихъ самой длинной оказы-

вается отпустительная грамота за умерщвление епископа, содержащая 368 словъ, не считая сокращенно изложенной формы, что все составило бы до 400 словъ. Это должно бы составить пошлину въ размѣрѣ 4 грошей, а между тѣмъ въ таксовой таблицѣ она оцѣнена въ шесть грошей. Грамота на отпущеніе грѣха самообрѣзавшагося монаха, которая, какъ мы видѣли, цѣнилась въ четыре гроша, заключаетъ въ себѣ только 179 словъ и поэтому должна бы цѣниться не свыше двухъ грошей. Симонія, совершенная при посвященіи монаха, также оцѣнивается въ 4 гроша, а между тѣмъ грамота по этому случаю содержитъ 232 слова, что по таксѣ должно бы составить не болѣе $2\frac{1}{4}$ грошей. Прощеніе и отпущеніе грѣха наложничества для священника оцѣнивается въ четыре гроша; формуль для этого отпущенія было много, причемъ длиннѣйшая не превышала 175 словъ, что слѣдовательно должно бы составить только $1\frac{3}{4}$ гроша. Правда, въ спискѣ таксъ цѣна всегда опредѣляется какъ максимумъ — *non ultra*, но постоянное превышеніе таксаціей положенной нормы по числу словъ повидимому указываетъ на то, что послѣдняя имѣла скорѣе теоретическій, чѣмъ практический характеръ. Она очевидно не соблюдалась во многихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣло пенитенціарія касалось только внѣшней стороны (*forum externum*), а замѣчаемое постоянно повышеніе цѣны повидимому служить лишь къ подтвержденію того предположенія, что когда вопросъ касался существа дѣла, т. е. полного прощенія грѣха предъ судомъ совѣсти (*forum conscientiae*), то плата опредѣлялась и взималась младшими пенитенціаріями раньше, чѣмъ выдавалась самая грамота, такъ что потомъ оставалось только взять формальную пошлину по количеству словъ.

Есть и еще разрядъ дѣлъ, размѣрѣ таксы въ которыхъ очевидно зависитъ не отъ величины грамоты, а отъ характера самого кающагося. Отпустительная грамота для отдѣльнаго лица, примкнувшаго къ мятежнымъ противникамъ церкви, оцѣнивается въ шесть грошей, а если она выдается городу, то въ двадцать, если же выдается цѣлому діоцезу, то въ сорокъ, каковое возрастаніе цѣны отнюдь не можетъ быть объяснено увеличеніемъ объема грамоты, въ которой прибавлялось всего лишь нѣсколько словъ. Такъ общее отпущеніе и прощеніе всему Клунийскому ордену оцѣнено въ семьдесятъ грошей, между тѣмъ какъ подобная же грамота для одного

изъ нищенствующихъ орденовъ стоила только сорокъ, а для одной провинціи—двадцать. Отпущеніе духовенству какого-либо города, служившему мессу во время интердикта, цѣнилось въ 30 грошей, между тѣмъ какъ съ духовенства провинціи взималось 40, а съ одного священника за ту же грамоту всего 4 гроша. Убіиство простого клирика оцѣнивалось въ 4 гроша, но если населеніе цѣлаго города было причастнымъ убійству монаха, то взималось за отпустительную грамоту 20 грошей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАКИХЪ ПРАВИЛЬ СЛѢДУЕТЪ СВЯЩЕННИКАМЪ ДЕРЖАТЬСЯ, КОГДА ЛИЦА ЕВРЕЙСКОЙ ВѢРЫ ЗАЯВЛЯЮТЪ ЖЕЛАНІЕ ПРИНЯТЬ СВ. КРЕЩЕНІЕ? *)

1) По указу Святѣйшаго Синода отъ 20-го февраля 1840 г., священники не могутъ совершать крещеніе надъ евреями безъ испрашиванія разрѣшенія отъ своего епархіальнаго начальства. 2) Правительствующій Сенатъ, относительно порядка приготовленія иновѣрцевъ къ принятію Православной вѣры и относительно совершенія надъ сими лицами, по обряду ея, таинства св. крещенія, указомъ отъ 22 января 1862 года (Указъ Св. Синода отъ 13 марта 1862 года за № 1023), въ измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, опредѣлилъ: 1) надъ малолѣтними евреями, магометанами и язычниками, недостижими 14-лѣтняго возраста, совершается таинство св. крещенія по обряду Православной вѣры не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. 2) Надъ иновѣрцами, достигшими уже 14-лѣтняго возраста, таинство св. крещенія можетъ быть совершаемо и безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ, если будетъ съ совершенною достовѣрностію прѣведено въ извѣстность, что сами обращающіеся желаютъ и требуютъ присоединенія къ Церкви Православной и что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ ея догматахъ и

*) „Черниг. Епарх. Изв.“.

ученіи. 3) Не достигшіе совершеннолѣтія, т. е. 21 года, иновѣрцы, которые готовятся къ св. крещенію по обряду Церкви Православной, наставляются во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ вѣры въ теченіе 6 мѣсяцевъ; для наставленія же иновѣрцевъ совершеннолѣтнихъ остается древній сорокадневный срокъ, съ допущеніемъ, какъ прежде, такъ и теперь, и болѣе краткаго, по нуждѣ и смотря по успѣхамъ наставляемаго. Примѣчаніе: установленный въ сей статьѣ 6 мѣсячный срокъ не долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ срока непреложнаго; при этомъ должны быть принимаемы въ соображеніе какъ понятія, такъ и степень убѣжденія обращающагося.

4) Опасно больные иновѣрцы всякаго возраста могутъ, по желанію ихъ, быть крещены безъ промедленія съ соблюденіемъ установленныхъ Церковію правилъ и съ тѣмъ: а) чтобы къ крещенію такихъ лицъ было приступаемо не прежде, какъ по надлежащемъ, совершенно надежномъ удостовѣреніи, что они находятся не въ состояніи безпамятства, лишаящаго ихъ возможности выразить съ сознаніемъ и разумніемъ свою волю; б) чтобы о совершеніи такого крещенія по нуждѣ было безотлагательно доносимо епархіальному начальству, и в) чтобы новокрещеннаго въ такихъ обстоятельствахъ, буде онъ выздоровѣетъ, епархіальное начальство поручало благонадежному духовному лицу для назиданія и утвержденія въ христіанствѣ.

5) Обрядъ таинства св. крещенія долженъ быть совершенъ надъ иновѣрцемъ въ церкви (за исключеніемъ случаевъ болѣзни иновѣрца) и всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей или ближайшаго мѣстнаго начальства. Прежде начатія сего священнаго обряда, какъ священнослужители, долженствующіе совершить его, такъ мѣстное начальство, обязанное присутствовать при немъ, должны тщательно удостовѣряться, что иновѣрецъ принимаетъ св. крещеніе добровольно и съ должнымъ разумніемъ, и безъ сего убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не совершается и не допускается крещеніе. По совершеніи сего священнаго обряда, присутствовавшій при немъ ближайшій мѣстный начальникъ обязанъ засвидѣтельствовать собственноручно совершеніе обряда крещенія въ метрической книгѣ. Дѣла сего рода, по установившейся практикѣ (Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику на случай совершенія важнѣйшихъ требъ церковныхъ. Изданіе Синодальной типографіи

1890 г.), производятся такимъ образомъ: ищущій крещенія самъ лично или чрезъ свое начальство (особенно, если принадлежитъ къ военному или гражданскому вѣдомству) подаетъ Епархіальному Преосвященному или въ Консисторію о дозволеніи ему, вслѣдствіе искренняго убѣжденія въ истинности христіанской вѣры—восточно-православнаго исповѣданія и ложности его прежней, принять св. крещеніе по обрядамъ Православной Церкви, Консисторія предписываетъ указомъ священнику того прихода, въ которомъ проживаетъ ищущій крещенія, по испытаніи совѣсти просителя, если не встрѣтитъ сомнѣній: а) научить его символу вѣры, десяти заповѣдямъ и молитвамъ: Господней, Богородичной и другимъ; б) отобрать отъ него письменное показаніе о томъ, гдѣ онъ родился и отъ какихъ именно родителей, гдѣ они проживаютъ нынѣ и по какимъ документамъ; женатъ онъ или холостъ, если женатъ, то гдѣ жена находится, также и дѣти, если они есть, и какого вѣроисповѣданія; искренно ли онъ желаетъ принять Святую Православную вѣру и содержать оную до конца жизни неизмѣнно, или не притворно ли, только ради какихъ видовъ и пристрастій, желаетъ онъ принять христіанство, и в) о послѣдующемъ донести Консисторіи, съ представленіемъ его послужнаго списка или паспорта и показанія. Ищущій крещенія, если состоитъ на службѣ военной или гражданской, вмѣстѣ съ прошеніемъ въ Консисторію, долженъ представить и разрѣшеніе своего начальства. По наученіи новообращеннаго символу вѣры, заповѣдямъ и необходимымъ молитвамъ, священникъ рапортомъ доносить объ этомъ Консисторіи и представляетъ на испытаніе его самого въ преподанномъ ему ученіи. Если на испытаніи окажется онъ достаточно наученнымъ вѣрѣ и закону христіанскому, Консисторія новымъ указомъ предписываетъ тому же священнику взять съ новообращеннаго письменное обязательство въ томъ, что онъ неизмѣнно пребудетъ членомъ Святой Православной Каѳолической Церкви до конца жизни; затѣмъ въ какой-либо праздничный или воскресный день совершить надъ нимъ таинство крещенія, предъ литургіею, со всевозможною публичностію; внести крещеніе въ метрическую книгу; затѣмъ въ тотъ же, или слѣдующій воскресный или праздничный, день удостоить новокрещеннаго св. причастія и, наконецъ, объ исполненіи всего этого донести рапортомъ Консисторіи. При чемъ

представляется и отобранное отъ новокрещеннаго письменное обязательство въ неизмѣнномъ сохраненіи Православной вѣры, вмѣстѣ съ выпискою изъ метрической книги. При записи крещенія новообращенныхъ въ метрическую книгу всегда дѣлается ссылка на указъ Консисторіи, на основаніи котораго совершено крещеніе.

РѢДКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ ¹⁾.

(Разсказъ).

Довольно уже пожилъ на бѣломъ свѣтѣ дѣдъ Силантій, много видовъ видалъ онъ на своемъ долгомъ вѣку, — разныхъ людей знавалъ, немало умныхъ и глупыхъ рѣчей переслушалъ, кажется, ужь и косточки его начинали проситься на вѣчный покой, другой бы на его мѣстѣ совсѣмъ отстранился отъ людей, ихъ дѣль, заботъ и думъ, и сталъ бы только думать какъ бы полегче да попокойнѣе провести остатокъ дней своихъ, но нетаковъ былъ Силантій Григорьичъ: до старости не утратилъ онъ бодрости духа, не лишился и тѣлесныхъ силъ, много оживленія и добра вносилъ онъ въ жизнь села Любимаго; всегда была наторена тропинка къ его дому, зимой и лѣтомъ почти не затворялась у Силантія дверь, то одинъ придетъ, то другой уйдетъ и не за даромъ любилъ народъ посѣщать старика.

Полжизни прожилъ Силантій Григорьевъ на сторонѣ, сперва все въ приказчикахъ у разныхъ богатыхъ людей, а потомъ и самъ завелъ торговлю въ одномъ губернскомъ городѣ. Семью выростилъ, сыновей на ноги поставилъ, дочерей раздалъ все за богатыхъ, и самъ имѣлъ порядочныя деньженки, оставалось ему, такимъ образомъ, жить на покоѣ, пользоваться достаткомъ, да радоваться на своихъ бойкихъ, смышленныхъ сыновей, съ успѣхомъ продолжавшихъ вести отцовское дѣло. Любовь къ семьѣ да привычка къ веселой, торговой жизни и тянули его къ тому, но Господь надѣлилъ старика добрымъ, отзывчивымъ на людскую скорбь, сердцемъ, хоть зачерствѣло было нѣсколько оно среди суеты, расчетовъ, да постоянныхъ хлопотъ, но въ старости, при мысли о приближающемся смертномъ часѣ, заговорило въ Силантій и настойчиво начало звать его отъ сытой, веселой жизни... Ночь темная давно виситъ надъ городомъ, въ

¹⁾ „Кормчій“ 1895 г. № 31.

комнатѣ у Силантія тепло, почти что душно, постель мягкая, а ему не спится, мѣрно тукаетъ маятникъ у большихъ часовъ, на улицѣ монотонно стучить сторожъ въ свою колотушку, а въ головѣ старика мелькають думы, воспоминанія... „Что-жь? вотъ я и денегъ нажилъ, а покоя то душевнаго нажилъ-ли?... нѣтъ-съ... а почему все? потому что жизнь то все неправильно шла, все для себя, да для себя... какъ бывало радуешься хорошему барышу, а не сменишь того, что этотъ рубль то лишній, можетъ быть, со слезами послѣдній несъ какойнибудь бѣднякъ.., а намъ что было до того за дѣло, былъ бы свой кошелекъ полонъ. Нѣтъ, кто что ни толкуй, а нажива отравляетъ сердце человѣческое, каменѣетъ его... вотъ и дѣтушки по моей дорожкѣ пошли, сытѣють, богатѣють, живутъ, наслаждаются и меня старика почитають, одно печалитъ меня: мало на скорбь людскую глядятъ, нужды, бѣды человѣческія совѣмъ ихъ не трогають... впрочемъ что-жь я старый?.. вѣдь я же самъ имъ такую дорожку показалъ, охъ, горе, горе мнѣ грѣшному!.. нѣтъ, нечего, нечего больше и откладывать, скорѣй маршъ! въ родное Любимое, Богъ съ ней съ городской суетой, здѣсь развѣ отрезвишься душой, а тамъ тихо, покойно, да можетъ быть Господь пошлетъ бѣднотѣ какойнибудь помочь, чьюнибудь скорбь ослабонить... хоть одному за всю семью.. у дѣтей еще впереди цѣлая жизнь, еще много съ ними переменъ можетъ произойти, а меня что ждетъ?.. одинъ гробъ... пора, пора хоть немножко для людей пожить, не все для себя, будетъ, достаточно пожилъ для себя то.. чай и старуха моя (она уже умерла года три) того же желаетъ мнѣ... много, много мы нагрѣшили съ ней, каково-то ей тамъ бѣдной?.. ужъ больно-то мы, Господи, много грѣшимъ, стоимъ ли мы Твоего прощенія?..“

Часто подобныя мысли и намѣренія посѣщали старика, наконецъ онъ рѣшилъ привести ихъ въ исполненіе и объявилъ о томъ дѣтямъ. Тѣ съ великимъ удивленіемъ встрѣтили отцовское рѣшеніе и уговаривали его всячески отказаться отъ задуманнаго намѣренія, но старикъ оставался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и скоро очутился въ Любимомъ. Здѣсь онъ opravилъ и открылъ свой родной домикъ, пригласилъ къ себѣ для занятія хозяйствомъ бѣдную, одинокую старушку родственницу, и мирно зажилъ...

Невелико было село Любимое, а нужды и горя въ немъ было очень много: народъ не зналъ никакого мастерства, ни промысла,

и перебивался однимъ только земледѣлемъ, а земля была плохая, непродѣланная, урожаи давала скудные, чуть не до нищеты дошли въ то время Любимовцы и скотъ свой сильно заморили. Помощи имъ ждать неоткуда, да и кому какое дѣло до селишка, заброшеннаго въ отдаленной глуши; священники и тѣ подолгу не жилали въ немъ, поступить, пожить годъ другой да и скорѣй въ другой приходъ; сильно и ихъ дожимала нужда въ убогомъ селѣ. Невесело было глядѣть Силантію на своихъ полунищихъ сосѣдей, скорбно становилось его доброму сердцу..., но не стала Силантій расточать жалкія слова и праздные совѣты своимъ землякамъ, а принялся служить имъ самымъ дѣломъ. Одному бѣдняку хлѣбца купить, другому — кормку, кому лошадку, коровку подсобить приобрести — кому стройку — переправить; отказывалъ въ своей помощи только пьяницамъ извѣстнымъ, „ну братцы, говоривалъ имъ, вашу бѣдность не зашьешь, а нужды ничѣмъ не починишь, обсушите горлышко, тогда и приходите“... А самъ, всетаки, сунетъ сколько нибудь потихоньку отъ мужика-пьяницы его женѣ или ребятишкамъ..

Первымъ дѣломъ Силантій отучилъ заглядывать въ Любимое деревенскихъ кулаковъ міроѣдовъ. Прежде бывало какъ только осень настанетъ, народъ съ поля приуберется, сейчасъ богатѣи — скупщики тутъ какъ тутъ — знаютъ, что у всѣхъ нужда теперь, всѣмъ деньги нужны, кому на свадьбу, кому на оброкъ, кому сына собрать въ рекруты и т. п. Мужички покупателю рады, онъ же и водочкой не скупится — угощаетъ, и отдаютъ бѣдняки свое потовое, трудовое за полцѣны, чтобы къ веснѣ самимъ бѣдствовать и скотъ морить. Силантій тотчасъ же смекнулъ, сколько зла происходитъ отъ такого порядка, и какъ то разъ на сходкѣ заявилъ: „жаль мнѣ васъ, братцы, задаромъ вы свое трудовое добро продаете...“ „Знаемъ, знаемъ, Силантій Григорьичъ, единогласно завопали мужички, да чтожь подѣлать, нужда советѣмъ насъ заѣла...“ „Ну коли такъ, не побрезгуйте моимъ предложеніемъ, никому не продавайте свое доброе, я куплю у кого нужда и цѣну дамъ настоящую, заплачу по Божьему...“ Мужички переглянулись, недоувѣрчиво помялись, неправично было имъ слышать подобныя рѣчи, и промолвили: „спасибо, спасибо на добромъ словѣ, Силантій Григорьичъ...“

Скоро однако Любимовцы на самомъ дѣлѣ убѣдились, что дѣдушка Силантій по Божьему платитъ, послѣ чего обирохамъ,

барышникамъ въ Любимомъ нечего было дѣлать. Но народъ безъ конца, кажется, дивился Силантію, а иные простодушные прямо замѣчали ему: „куда же ты, дѣдушка, накупилъ столько хлѣбушка и кормку, да цѣну то давалъ не осеннюю, а самую настоящую—весеннюю, вѣдь тебѣ отъ всего этого окромѣ убытковъ ничего не будетъ“. „Эхъ, братцы, братцы, да развѣ я изъ барышей все это дѣлаю?. а обо мнѣ не тужите, своего я не потеряю, весной свои деньги выручу“.

Примѣтилъ Силантіи еще и то, что деревенскіе торговцы по большей части безжалостно обираютъ народъ, товаръ держать самый негодный, а цѣны берутъ за него высокія. Старикъ недолго думая рѣшилъ открыть торговлю, самъ и повелъ ее на самыхъ добросовѣстныхъ началахъ, товаръ держалъ хорошій и барыша бралъ только столько, чтобы хватило уплатить за доставку, да своему помощнику по лавкѣ, работнику. О небывало-честномъ торговцѣ провѣдали скоро и крестьяне окрестныхъ деревень, всѣ они повалили къ нему, отъ обилія покупателей, барышей стало у Силантія больше, но онъ опять таки ими не пользовался, а удѣлялъ ихъ самымъ бѣднѣйшимъ Любимовцамъ.

Въ Любимомъ была плохенькая школа, Силантіи поправилъ ее на свои средства и къ ней пристроилъ просторную избу, нанялъ хорошаго мастера—столяра и сталъ уговаривать мужиковъ и бабъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей, окончившихъ школу, къ мастеру на выучку, тѣ охотно соглашались. „И то правда, говорили они, вѣдь у нашихъ ребятенокъ въ зимнюю то пору одно занятіе собакъ гонять да въ бабки на рѣчкѣ играть, не замай ихъ поучаться мастерству, можетъ, кто изъ нихъ и перейметъ, со временемъ настоящимъ мастеромъ выдетъ.“ Кое кого изъ сельскихъ мальчугановъ старикъ отдалъ въ городъ къ сыновьямъ въ лавки.

Любилъ старикъ въ весеннее и лѣтнее время полюбоваться на красоту Божьяго міра да покопаться гдѣ нибудь около дома, чтобы поразмять, да распарить свои старые члены. Скоро около его дома запушился густой, зеленый садикъ, а вокругъ него стройно протянулись молодыя березки и тополя... Глядя на Силантія и по его совѣту развели у себя садочки и еще кое кто изъ болѣе домовитыхъ крестьянъ, и украсилось голое доселѣ Любимое яркою зеленью, скрасилась ею немножко и самая неприметность бѣдныхъ хатъ..

„Батюшка ты нашъ, отецъ родной, благодѣтель, чѣмъ намъ тебя отблагодарить, касатикъ нашъ, за всѣ твои милости?“ частенько приходилось Силантію слышать отъ своихъ земляковъ. „Ничемъ, братцы, не нужно, ничемъ, ласково улыбаясь отвѣтствовалъ обыкновенно старикъ, только не забывайте меня въ молитвахъ своихъ, да и дѣтокъ-то моихъ ужъ поминайте, они тамъ въ суетѣ-то городской, поди, чай не мало грѣшать“...

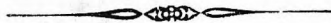
Года текли, а съ нимъ протекала и жизнь добраго, разумнаго Силантія, совсѣмъ бѣлый сталъ онъ, да ужъ и сгорбился порядочно. Но за то всегда бодръ и веселъ душою былъ старичекъ. Никогда, даже въ юности не чувствовалъ онъ въ себѣ такого довольства, такого покоя, какъ теперь на закатѣ дней своихъ... „Благодарю Бога, братцы, вотъ какъ благодарю, говаривалъ онъ въ кругу своихъ любимыхъ земляковъ, что хоть на послѣдяхъ да сподобилъ Онъ меня пожить для другихъ, а то вѣдь мы все для себя, да для себя... а плохо, плохо человѣку, если онъ совсѣмъ не умѣетъ жить для ближняго, сердце въ немъ съжигается, сожмется, и негдѣ ужъ будетъ тамъ обитать благодати Божьей, уходитъ она тогда, а ужъ человѣкъ безъ благодати—погибшее созданіе!“ „Все это ты правильно толкуешь, отвѣтствовали мужички, только вотъ, глядя на тебя, намъ очень скорбно становится, какъ бы ты насъ вскорости не покинулъ совсѣмъ, вѣдь вотъ совсѣмъ, благодѣтель нашъ, къ землѣ гнешься...“ „Это, братцы, ничего, говорилъ Силантій, я горбатый-то хожу да все внизъ больше гляжу, о землѣ стало быть помышляю, о часѣ смертномъ, а все это пользительно для насъ грѣшныхъ... во всемъ, во всемъ Господь вразумленіе шлетъ человѣку... такъ-то ся!..“

Пришло, наконецъ, время, убрался Силантій въ иной міръ. Тихо, безмятежно догорѣла его жизнь. Истинно христіанскую кончину послалъ Господь доброму старику. Много народа собралось хоронить его, много было слезъ, самыхъ искреннихъ слезъ пролито у его свѣжей могилы и много теплыхъ молитвенныхъ вздоховъ вознеслось къ Богу въ храмѣ Любимовскомъ: тогда въ немъ стоялъ простой (старикъ строго на строго запретилъ хоронить [себя съ роскошью) гробъ, и звучало погребальное пѣніе. День стоялъ тихій, ясный, мартовское солнце ярко освѣтило и грѣло рыхлый свѣгъ. Лицо умершаго, когда его несли на кладбище, было точно у живаго,

покойно обратилось оно къ необъятной небесной синевѣ, куда отлетѣла его добрая душа...

Недавно пришлось мнѣ проѣхать тѣмъ селомъ, гдѣ жилъ покойный Силантій... „Вотъ, батюшка, вдругъ заговорилъ возница, когда мы поровнялись съ бѣлымъ выштукатуреннымъ домикомъ, гдѣ жилъ человѣкъ-то, ужь и человѣкъ-же—золото, такихъ еще не сыщешь... можетъ быть и сами слышали про него... Силантій Григорьичъ прозывался.“ „Какъ-же, говорю, не только слыхаль, но и видалъ, отвѣтилъ я“. „Ну а коли такъ, нечего и сказывать вамъ про него, сами знаете что за человѣкъ былъ онъ. Столько добра, столько добра, однако продолжалъ возница, оказалъ онъ этому селу, что и не выговоришь, и внукамъ то своимъ должны наказать здѣшніе, чтобы молились за него. Ужь словомъ рѣдкій, рѣдкій былъ человѣкъ, теперь ужь больше и не встрѣтишь такого... вотъ и домикъ то свой отказалъ на доброе дѣло—теперь въ немъ богадѣльня помѣщается, и капиталъ оставилъ, чтобы, значить, богадѣльня эта самая никогда не прекращалась. Да, да, рѣдкій человѣкъ, рѣдкій... Царство небесное дѣдушкѣ Силантію, косточкамъ его мѣсто покойное, пухомъ бы лежала на немъ земля сырая!“ При этихъ словахъ мой кучеръ стегнулъ лошадь и мы выѣхали изъ Любимаго... Вотъ и бѣленькій домикъ Силантія, окруженный толпой деревьевъ, удалился отъ насъ, и Любимое скрылось за пригоркомъ, а образъ добраго Силантія отчетливо стоялъ въ моемъ воображеніи, отрадно становилось на душѣ, что хотя рѣдко, рѣдко, но мелькають на горизонтѣ нашей суетной жизни любящія, добрыя личности, которыя не строятъ теорій, не говорятъ громкихъ красивыхъ фразъ, а идутъ туда, гдѣ вопіеть нужда, гдѣ отсутствуетъ помощь, и умѣютъ тамъ просто, но дѣльно и успѣшно помогать бѣднякамъ. Ахъ, кабы побольше было у насъ такихъ *„рѣдкихъ людей“*.

Священникъ *Владиміръ Востоковъ*.

Вышли и рассылаются подписчикамъ 104-й и 105-й выпуски

(Торговая товарищества — Уоллесъ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Изд. съ 44-го вып. Т-ва А. Гранатъ и К^о, бывш. Т-ва
А. Гарбель и К^о.

Издание обнимаетъ весь отрасли знанія и стремится содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, В. Г. Бажаевъ, К. Н. Венцель, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. И. Я. Гурляндъ, Дюнео, В. Е. Ермиловъ, маг. А. И. Каминка, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левитскій, д-ръ М. Е. Лионъ, прив.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Лучидкій, проф. П. Н. Милоковъ, С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, проф. Э. Л. Радловъ, М. Н. Ремезовъ, пр.-доц. А. Р. Свищевскій, В. Д. Сколовъ, А. П. Субботинъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Тугаевъ-Барановскій, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. В. Г. Щеголовъ и др.

Въ вышедшихъ 105 выпускахъ (составляющихъ 7 томовъ и 6 вып. 8-го тома) помѣщено 68,184 статей и замѣтокъ, 1,409 портретовъ и рисунковъ, 23 географическихъ картъ, хромо-и олеографія, таблицы рисунковъ, 2 серія „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“.

Все издание составитъ 114 — 116 выпусковъ или 8 томовъ. Цѣна всему изданію на обыкновен. бум. безъ перепл. 37 руб. въ перепл. 40 р., на лучшей бум. безъ перепл. 44 р. 80 к., въ перепл. 48 р. За пересылку приплачивается 10% цѣны. Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб., послѣ чего высылаются первые 6 том. съ наложеннымъ платежемъ въ 5 руб., остальные деньги уплачиваются трехмѣсячными взносами по 6 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Большая Никитская. 5.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Къ рѣшенію вопроса о папской таксациі грѣховъ. — Какихъ правилъ слѣдуетъ священникамъ держаться, когда лица еврейской вѣры заявляютъ желаніе принять св. крещеніе. — Рѣдкій случай. Священника *Владимира Востокова*. — Объявленіе.

Редакторъ *И. Пятницкій*.

Печат. дозвол. 1895 г. 28 августа. Цензоръ, *Каведраальный Протоіерей І. Михай*.
Могилевъ на Дѣвирѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.